

* * *

Эпоха лепит поколение,
Не доверяя пластилину.
И не по шучьему велению –
Сутулясь, тачкой возит глину.
Из глиниц старых, из оврагов,
С полей, что смутами размыты.
Из котлованов всех гулагов,
Всех Днепрогэсов и Магниток.
Из всех траншей, из всех окопов,
Что вжались в твердь – до мезозоя.
Та глина пахнет смертным потом
И непросохшею слезою.
Не мокрым парком и не садом,
Где цвета вешнего завеса.
И увлажнять её не надо.
Она готова для замеса.
Лепи, пока она не скисла –
Ведь рай не возведён, не обжит.
И жги в печи стихи и письма,
Чтоб жизнь вдохнул
В ту глину
Обжиг.

* * *

Век отцовский... Вехой – холмик
Со звездой... И – грай вороний.
А обочь – страна ли, холдинг –
С девяностых – похоронный.
Четверть века серп хоронят
И, с того же флага снятый,
В гроб не могут втиснуть молот –
Очень уж велик, проклятый!

Речка вся ушла в ольховник.
Клёном все дворы забило.
Вороньё кружит, где холмик
Со звездой... Не забыло!

* * *

Отечество одно, а вот историй...
И в два десятка их уложишь вряд ли.
И все почти – про тяготы Эстоний
И прочих угнетённых нами Латвий.
Истории те сложены – врагами?
Да что вы! Вот же, на обложке, гляньте:
Карамзины их новые слагали;
Всё наши люди – и на наши гранты!
По паспорту, так вовсе не варяги,
Но ходит гордо тёмной строчкой скользкой –
По финской, по мелованной бумаге –
Французский гонор, шведский... Даже польский!
Ведь нынче каждый стоящий историк,
Желудка зову, как присяге, верный,
Историю прикидывает в столбик –
И переводит с русского на евро.
И рукоплещут всех Европ столицы,
И наш радетель красной девой мнётся.
...А гонор тот до краешка страницы
По мелу доскользит – и навернётся!

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Мы в этот строй никем не призваны, –
Высоты брать, идти к вершинам.
И писарями мы не признаны,
И – головная боль старшинам.

Не проигравшие сражение,
А просто сданные вождями,
Полжизни шли из окружения,
А нас, похоже, тут не ждали.

Стать карандашной строчкой стёртою
Не страшно: нас судьба вдавила
В печаль страны рукою твёрдою,
Когда линияли все чернила.
И чьи-то перья в поздней трезвости
И в памяти скупой, но ясной,
О нас, давно пропавших без вести,
Напишут с новой строчки. С красной...

* * *

Как снег, как дрожью облитая ветка, –
Я на людях стихи читаю редко.
Когда один на сцене остаюсь,
Хочу я тронуть лиру – и боюсь.
Откликнутся?
Лишь только им скажи я,
О том, что люди людям не чужие,
Откликнутся! Но это же потом;
А что мне делать с пересохшим ртом?
И пальцы, лиру сжавшие, не юны,
И поистёрлись золотые струны,
Что я в Эдеме брал когда-то с рук;
И вместе с ними поистёрся звук.
Я трону лиру – миру легче станет?
...Но девочка глаза большие тянет
Ко мне (я разглядел её беду –
Вихрастую, вон там, в другом ряду)...
И всё-таки, читать стихи со сцены, –
Как Афродите вызволять из пены,
Из пены сигаретной и пивной, –
Богинею, не девкою срамной.
Как снегопад, как лист, задетый дрожью,
Я раздуваю в душах искру Божью...
И потому не за себя боюсь,
Когда один на сцене остаюсь.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ВРЕМЯ

Жизнь собираю – скупю, по словечку,
Но сложу – и во-первых строках
Время снова в зиму сеет гречку
Вымерзшую – на моих руках.

Только головою покачаю:
Этим не прокормим мы страну.
...И что пашет целыми ночами, –
Вижу, только в зеркало взгляну.

Нет ему важнее дела, что ли?
И куда там смотрит агроном?
...Но ведь не бросает это поле.
Верит, что-то вырастет на нём...

ВЬЮШКА

В. Н.

В той избушке, где грозился выпасть угол, –
Дуло в щели, но меж нами не сквозило.
Дров – в нагруску, на растопку лишь, а уголь
Нам под Новый год, последним, привозили.
Но какие вечера зимой бывали!
Те потёмки золотые не забылись:
В печке долго над сгоревшими дровами –
На одном дыханьи с нашим – жилка билась...
И потом, – не час, не два – тепло таилось
Угольком скупым в золе (такая малость!).
И пока его дыхание струилось, –
Неприкрытая, всё вьюшка отзывалась.
А теперь у нас – квартира, не избушка,
Только память – память греет по старинке.
И, сквозь вьюги, всё постукивает вьюшка,
Возле сердца отыскавшая жаринки.

* * *

Эх, обрыв – оборванная фраза:
Речь корнями рваными повисла.
И дрожат слепые ветки вяза
В сумерках спасительного смысла.
То, что было небом и разливом, –
Тёмным краем, бездною пытается!
И томит предчувствием счастливым:
Кто-то сверху руку им протянет...

* * *

Дам «петуха», сорвусь, собьюсь –
А вам, хористы, что за горе?
Пою – и плачу, и смеюсь! –
Не примеряясь и не вторя.
Ведь к людям чувства рвутся – вброд,
Навзрыд, глубин не вымеряя.
Во тьме их за руку берёт
Ну, разве что лоза сырая...
Пить дрожь, висеть на волоске,
Сжигать мосты, всходить на плаху
Со мной – равнине и реке,
Не дирижёрской длани взмаху.
А вы глядите свысока –
Всё мимо глаз моих, ревниво.

Зато в глазах моих – река,
 Зато в моих глазах – равнина!
 И голос мой, взлетев на холм,
 Дрожит и меркнет – не жеманясь.
 К лозе сырой, к траве сухой,
 К губам горячим прижимаясь...

РОМАНС

Был сладок дым – и пикников, и бань...
 Ты колдовал, изгиб гитары глядя.
 И брал озноб земных богинь, как дань, –
 Не дрогнув даже, походя, не глядя.

Большими пил глотками – не хмелел,
 И не трезвел, хоть наливал по полной.
 ...Всё с первой парты фартучек белел,
 Как белый парус из программы школьной.

А жизнь пустела, как банкетный зал.
 И сердце страх уже потрогал шильцем.
 А за душой – совсем не то, что взял, –
 Лишь то, что даже тронуть не решился.

СТОЛБ

Собрался к речке выйти – «Стоп! –
 Мне шепчет кто-то на пороге...
 И ставит атмосферный столб –
 Ну, точно посреди дороги!
 И, хоть никто не гнал взащей,
 Я всё же шёл, себя ругая, –
 От гаражей до камышей
 Тот столб плечом передвигая.
 Как будто кто-то следом шёл,
 Суровый страж моей неволи.
 ...Фазан живёт за камышом,
 И мне хотелось знать – живой ли?
 И он опять меня встречал
 В тернах, и вовсе не для форса –
 «Керк! Керк!» – он на меня кричал, –
 Чтоб в гушину его не пёрся!
 Ведь мы ж тут – стражи рубежей,
 Каким бы век наш ни случился.
 ...И столб за мной до гаражей
 Через репейник волочился...

В коридорах с облезшею краской,
 У больничных дверей – или врат? –
 То ли «алики» в полной завязке,
 То ли ангелы наши парят.
 В этой жизни почти что незримы,
 Сколько в сумрак земной не гляди,
 Вдруг заденут, сквозящие мимо –
 Тёплый воздух качнётся в груди!
 И пойдёт в тёмных венах качаться,
 Бес его коридорный возьми!
 Застилая зрачок и сетчатку...
 – Чем, мамаш? Позабыл я...
 – Слезьми...
 И застынет горячкою в жилах,
 Будто выдав талон на «потом».
 Чтобы всё там сошлось и сложилось...
 – Как, сосед? Позабыл я...
 – Путём!
 В коридорах больничного дома
 Что ни шаг, то знаменье и знак.
 И записку, что нету приёма
 У нарколога, треплет сквозняк...

Идут твои снега – отсюда ли, сюда ли?
 Но вот сюда тебя по кругу привели.
 Где прошлое сквозит январскими садами –
 От всякого жилья, от всех дорог вдали.
 Январские сады и разглядишь не сразу.
 Синеют, будто след, что полузанесён.
 А в мёрзлых почках мир – большой, зеленоглазый,
 Сокрытый до поры – о жизни смотрит сон.
 Шумерское письмо хранит сорочья наследь.
 Но разгадать его – ни времени, ни сил.
 И рвётся дней кино, и ленту клеит – насмерть –
 Вишнёвый клей, что ты невесть когда скусил.
 И на губах ещё горчит кора сырая,
 Как будто говоря: «Не трожь меня, не трожь!»
 Но разве жизнь поймёшь... И, горечь с губ стирая,
 Невольно все слова привычные сотрёшь.
 Но можно ведь сказать – сорочьими следами...
 Пусть не поймет словарь, зависнет весь Инет.
 И станет всё, чем жил, январскими садами,
 Чтоб там, где нет дорог, как чей-то след синеть.

